Военная академия вечно ломала голову над тем, как дрессировать тех сорвиголов, которые теряли всякое послушание при виде Проводников.

С тех пор как Хэ Дун поступила в академию, она всегда беспрекословно подчинялась приказам инструкторов. Когда часовые из её общежития среди ночи сбегали перелезать через стену к Проводникам, она сладко спала. Соседей по комнате ловили и наказывали, а она продолжала спать. Просыпалась — и тут же выслушивала насмешки о том, что еще не пробудилась.

Но из-за высокого уровня духовной силы инструкторы не верили, что она осталась в стороне. Находились даже те, кто утверждал, будто именно Хэ Дун была главным организатором ночных вылазок часовых через стену: Чем сильнее духовная сила, тем острее жажда Проводника. За столько лет, сколько я живу, я еще не встречал ни единого исключения.

Каждый раз на общеакадемических собраниях, после того как руководство зачитывало отчеты о наградах часовых, обязательно следовали списки её непутевых соседей по комнате. Разумеется, еще досаднее было то, что она, не совершив ровным счетом ничего, должна была отправляться на дополнительные тренировки вместе с этой шайкой бестолочей.

Те дни были поистине тяжелыми. Пот катился ручьями по одежде, а на покрытых мозолями стопах то и дело вздувались волдыри. Едва успев уснуть в обнимку с винтовкой секунду назад, в следующую она уже слышала свисток общего сбора.

Генри слушал, казалось, затаив дыхание. Заметив, что Хэ Дун замолчала на этом месте, он принялся её подгонять:

— И что потом? Ты же не могла вечно терпеть убытки? В конце концов ты пошла с ними лазать по стенам?

Хэ Дун ответила, что нет. Генри не поверил, впрочем, ей было всё равно — услышав это, почти каждый делал такое лицо:

— Затем Раса насекомых начала одна за другой совершать атаки на границы Империи. Многие старшие товарищи пали, и мы досрочно выпустились, отправившись на передовую.

— Разве в армии тебе не встретился любимый Проводник?

Хэ Дун добродушно пояснила ему:

— Нет. Проводники невероятно редки, а те, кто стремится на военную службу и желает отправиться на передовую, и вовсе единицы. За исключением того раза, когда я получила тяжелейшее ранение и попала в главный госпиталь на лечение к военным врачам, я в остальное время вообще не видела Проводников.

Разговор с Генри подошел к концу. На выходе из соседней допросной Хэ Дун столкнулась с Брюсом: тот совершенно преобразился после двух дней уныния, и на его лице читалось злорадное облегчение человека, которому только что удалось отомстить.

Стоило главному распорядителю Дворца Катрин сделать хоть движение, как результаты расследования в течение недели легли на стол свеженькими. Всех участников отчитали, а командир Аллен и его родной младший брат Баррет снова получили по предупреждению.

Получить выговор дважды за полмесяца — даже такой задира, как Аллен, заметно умерил свой пыл. И пока остальные члены отряда устраивали бойкот, он лично явился с извинениями к Брюсу и настойчиво пригласил их обоих посетить Королевский праздник скачек.

Это грандиозное событие королевского двора, в этом году хозяйкой выступает Принцесса, и вся Охрана планирует участвовать в полном составе.

Аллен держался с безупречным изяществом, наотрез отказываясь вспоминать о прошлых трениях между ними. Что думал обо всем этом Брюс, было неясно, но Хэ Дун, даже несмотря на то, что её травма спины еще не до конца зажила, решила соблюсти приличия, сесть в седло и проскакать первый круг.

Лечебная капсула способна исцелить плоть, но она не в силах стереть шрамы, которые первопроходческие раны оставляют на человеческом теле. Многие часовые, даже если благодаря достижениям науки им заново вырастили оторванную конечность и после операции они считались совершенно здоровыми, все равно продолжали страдать от фантомных болей.

Хэ Дун не была исключением. Иногда ей казалось, что если её духовный пейзаж однажды рухнет, то исключительно из-за того, что эта мелкая болячка доставляла слишком много хлопот.

В день Королевского праздника скачек народу собралось видимо-невидимо — сказать, что там было море людей, значит не сказать ничего. Стоило бросить взгляд от ипподрома наружу, как всюду виднелись лишь колышущиеся головы.

Это было первое масштабное торжество, которое королевская семья проводила перед лицом масс после мирных переговоров Империи с Расой насекомых, и оно несло в себе отчетливый оттенок всеобщего ликования.

К тому же сегодняшнее соревнование вела Прин — главная звезда и всеобщая любимица королевской семьи.

Хэ Дун, облаченная в форменную повседневную одежду Охраны, стояла у лошади, настороженно следя за тем, как та бьет копытом, когда появилась Принцесса со своей торжественной процессией.

Толпы зевак, томившихся в ожидании по обе стороны заградительной ленты, уже вовсю ликовали, выкрикивая её имя:

— Принсис, Принсис!

Прин с улыбкой кивала в ответ, приветствуя собравшихся, а временами даже останавливалась, чтобы перекинуться с кем-нибудь парой слов и сфотографироваться с фанатами. Телохранители, опасаясь за её безопасность, уводили её из толпы, но перед самым уходом она неизменно мягко и вежливо бросала людям: «Простите».

Это была Принцесса, всецело отвечавшая любым канонам и ожиданиям королевской семьи.

Мягкая, прекрасная, непринужденная и элегантная. Во время предматчевой речи её голос через микрофон разносился по всей площади, но из-за технической неполадки со стороны сотрудников каждое слово почти неизменно сопровождалось потрескиванием и шипением динамиков.

Именно этот звук, от которого часовых обычно воротило и трясло, сегодня почему-то заставил Хэ Дун почувствовать странный зуд в ушах.

Повернув голову, она увидела Брюса: тот с комичным усердием тер уши и шептал ей:

— Хэ Дун, клянусь, я не вру, я сам уже почти влюбился в нее. Неудивительно, что Аллен тогда так ополчился против тебя.

— Если бы она позволила мне поцеловать ее пальцы, я бы отдал за это что угодно!

Хэ Дун по указанию персонала взобралась в седло. Повседневная форма Охраны выдерживалась в аристократическом ключе и отличалась от парадной лишь незначительно. Хотя в ней фигура выглядевшая подтянутой и лихой, движения все же оказывались несколько скованными.

В этот момент она мысленно порадовалась, что успела заплести и уложить волосы, иначе взмахни она хлыстом, пришлось бы познакомиться с прелестями резкой боли от натянутой на затылке кожи.

Солнце сияло вовсю. Статные, рослые часовые выстроились в ряд, и как только грянул выстрел, Хэ Дун натянула поводья и зычно крикнула: «Но!». Лошадь повиновалась приказу и, неся на спине своего седока, сорвалась с места, словно выпущенная из лука стрела!

Единственная женщина-часовой в рядах участников не могла не привлекать всеобщего внимания — простите Генри, что даже в звездную эру он продолжал называть ее именно так, он просто искренне восхищался излучаемой ею неукротимой жизненной силой.

Приглядевшись, он заметил, что Принцесса действительно слегка оперлась руками о перила, всматриваясь как раз в сторону Хэ Дун.

Бойцы Охраны прекрасно понимали, что сегодня выдался отличный шанс засветиться перед Принцессой, и демонстрировали все свои козырные навыки. Их хлысты щелкали с оглушительным треком, а один из часовых даже несколько раз пытался подрезать чужие дорожки, намереваясь грязным приемом выдавить соперников.

Мастерство управления лошадью у Хэ Дун тоже не уступало никому: ускорение, преодоление препятствий, крутые повороты… Солнце пекло так нещадно, а плотность борьбы была столь высока, что каждый шел ноздря в ноздрю. Даже при том, что Хэ Дун не собиралась бороться за первенство, удержание собственной позиции заставило ее пролить немало пота. Он градом катился по щекам, и вот наконец финишная черта осталась позади.

Спешившись и стягивая зубами перчатку, чтобы вытереть пот, она вдруг почувствовала, как в самом уголке глаза что-то блеснуло и замерцало. Прищурившись, она разглядела человека на трибуне, который через бинокль внимательно наблюдал за происходящим.

Золотистые волосы, мягкая улыбка и даже то, как эта девушка, заметив, что ее разоблачили, опустила бинокль и беззвучно, одними губами проговорила слово «часовой» — все это казалось невероятно милым и задорным.

Хэ Дун бросила один взгляд, тут же отвернулась и, достав лакомство, принялась сосредоточенно успокаивать тяжело дышавшую лошадь. Та ласково заржала и ткнулась носом ей в ладонь, выпрашивая угощение. Пока судьи подсчитывали очки, Хэ Дун не удержалась и снова украдкой глянула туда.

Каково же было ее удивление, когда Прин всё еще стояла на трибуне, причем в той же самой позе. Этот мимолетный взгляд застал ее с поличным.

Исключительное зрение часового позволяло отчетливо разглядеть легкую улыбку в уголках губ Прин. Принцесса всегда держалась безупречно спокойно; поговаривали, что перед публичными выступлениями члены королевской семьи нанимали речевых тренеров для постановки голоса, добиваясь идеального, пропитанного благородством звучания, а уж манеры Принцессы, бывшей единственным Проводником этого поколения, и вовсе поражали воображение.

Наблюдение за часовыми в бинокль и ответная игра в переглядки были всего лишь рядовыми деталями исполнения ее официальных обязанностей, в которых не было ни капли дурного умысла.

Зато она сама повела себя иначе — не ответила на приветствие должным образом, вежливо и зеркально. Хэ Дун испытывала досаду, коря себя за поверхностность, за то, что вновь и вновь оглядывалась, привлеченная чужой красотой, за неуважение к Принцессе… А еще — за те смутные позывы, что поднимались где-то на самом дне души.

Принцесса прекрасна.

Как же прекрасна Принцесса.

Все ли Проводники такие? Кажется, преподаватели в Башне когда-то говорили об этом: Мутация — это выбор генов, а притяжение, которое Проводники испытывают к часовым, предопределено самой вселенной. Для часового Проводник — это воплощение всего самого прекрасного, что только случалось в его жизни.

До самого конца подсчета очков, пока Хэ Дун не покинула соревновательную зону, она так больше и не осмелилась взглянуть в ту сторону.

И, разумеется, она не знала, что Прин, опустив бинокль, спросила у Генри:

— Почему она не участвует во втором туре?

В памяти Прин всплыл образ часового, источающего жар на арене, с раскрасневшимися от физической нагрузки глазами и щеками… Она протянула руку и огладила длинную перчатку, туго обтягивавшую руку до самого локтя. Легкое щекочущее ощущение от скольжения кончиков пальцев по ткани заставило Прин невольно улыбнуться:

— Неужели даже празднику скачек суждено пройти подстроено и нечестно?

Генри тут же заверил ее:

— Ни в коем случае!

Прин:

— Тогда почему?

Генри и сам не мог найти причину. Он все это время следил за подсчетом очков у судей, и если бы вмешательство действительно было возможно, он бы с радостью лично взглянул на результаты Хэ Дун, а если бы ей не хватило баллов, он готов был по собственной воле протащить ее во второй тур.

Однако небеса не предоставили ему такой возможности. Стоило Хэ Дун уйти, как интерес Принцессы к состязаниям заметно угас, и в какой-то момент она и вовсе покинула трибуну, направившись внутрь замка.

— Сообщите мне, когда определятся победители, — бросила Принцесса. — Скучная игра.

Глава 7. Хэ Дун едва вышла с поля, как тут же сорвала с себя куртку. Солнце сегодня палило вовсю, да к тому же ей довелось проскакать круг верхом в высоких сапогах — от этого пот лился в три ручья и никак не хотел останавливаться.

Немного постояв у входа на ип А, она принялась высматривать поблизости что-нибудь ледяное попить.

Ипподром располагался в естественной низине по соседству со Дворцом Катрин: понижение рельефа в центре и пологие склоны по краям, напоминавшие чашу. Благодаря такой планировке трибуны вмещали множество зрителей, не перекрывая никому обзор, что делало это место идеальным для подобных мероприятий.

Лучшие места вблизи внутренней площадки и трибун доставались аристократии, тогда как небольшая часть билетов поступала в свободную продажу. Те же, кто не успел их приобрести, кучками расстилали на зеленой траве по самому внешнему периметру пледы для пикников, наблюдали за ходом состязаний и непринужденно болтали с друзьями — атмосфера царила весьма уютная.

Поискав с минуту, Хэ Дун заприметила лишь фургончик с мороженым, но когда она уже собралась направиться туда, сзади посчастливилось услышать оклик Брюса:

— Погоди меня, Хэ Дун!

Брюс обладал первоклассными навыками верховой езды, и Хэ Дун во время гонки не следила за ним особо, искренне полагая, что он уже прошел дальше, однако тот тоже выбыл.

Заметив ее удивление, Брюс только пожал плечами с горькой усмешкой:

— Подставили. Всё норовили оттеснить меня с дорожки, прорваться было невозможно.

Впрочем, когда он незадолго до этого портил репутацию Аллена перед начальством, он уже закладывал в расчеты подобные неприятности.

Сейчас, пусть и досадно, распространяться об этом ему не хотелось.

Они вдвоем зашагали в сторону фургончика с мороженым. Точек с прохладительными напитками в округе оказалось немного, и очередь перед машиной вытянулась огромная.

Продавец, не справляясь с потоком, выставил отдельный лоток с ледяной водой, чтобы хоть как-то разгрузить покупателей. Брюс, не дождавшись своей очереди, подбежал туда, схватил стакан с ледяной водой и вылил прямо себе на голову. Капли потекли по прядям на грудь, он взъерошил мокрые волосы и просиял:

— Хорошо!

И тут же горячо посоветовал Хэ Дун поступить так же.

Хэ Дун пропустила совет мимо ушей и терпеливо дождалась своей порции клубничного мороженого. Но стоило ей собраться попробовать его, как рядом раздался пронзительный визг. Периферийным зрением уловив стремительно пикирующую с небес тень, она рефлекторно вскинула руку для защиты.

http://bllate.org/book/33975/4181663